

Пока Цуй Се спокойно выводил парные строки, приказчик Цзи, помогавший на заднем дворе, услышав, что картины унес молодой господин Ван, сохранять спокойствие уже не мог. Он пришел в переднюю лавку и спросил:

— Молодой хозяин, вы не могли бы нарисовать еще пару картин, чтобы перебиться? Хотя покупателей «Записок о собранных ароматах» стало меньше, все равно в день продается с десяток книг. Да и немало тех, кто заходит в лавку за книгами или бумагой только ради того, чтобы взглянуть на картины. Если неожиданно снять их со стен, боюсь, покупатели устроят шум!

Но тут уж ничего не поделаешь. Воспользовался людьми молодого господина Вана, прикрылся авторитетом командира — неужели можно не заплатить за это хоть какую-то цену?

Цуй Се ободряюще улыбнулся ему:

— Ничего страшного. Завтра скажи покупателям, что наша лавка проводит новую акцию. Портреты красавиц пока убрали, а покупателям предлагается выбрать первую красавицу «Записок о собранных ароматах». Когда акция закончится, мы вывесим новые пла... новые картины.

Приказчик Цзи опешил:

— А как выбирать-то? Какими бы прекрасными ни были эти четыре красавицы, они ведь просто рисунки, а не настоящие женщины. Они не умеют ни петь, ни играть на музыкальных инструментах, из них не выберешь ни знаменитую артистку, ни куртизанку. Неужели придется нанять несколько театральных трупп, чтобы они вместе сыграли истории из «Записок о собранных ароматах»?

«А этот приказчик весьма перспективный! Так быстро додумался до идеи адаптации популярного произведения!»

Цуй Се мысленно похвалил его и решил при случае поручить это дело именно ему. Но пока до таких далеких планов было рано — нужно было как-то замять снятие картин со стен.

Поэтому он сказал:

— Пойди приготовь четыре больших ящика, похожих на монастырские урны для пожертвований. Наклей на них крупные надписи: «Божественный образ», «Бессмертный образ», «Изысканный образ» и «Сокровенный образ». Попроси мастера Хуана нарисовать на ящиках такие же рамки, как на заглавных страницах глав в нашей книге, и выставь их перед лавкой. Завтра, если покупатели спросят, почему сняли свитки, скажи им, что лавка выбирает первую красавицу. Каждый, кто купил книгу, может опустить в ящик один голос. Портрет той красавицы, которая наберет больше всего голосов, мы повесим на стену на вечную память.

— Но как определить, кто покупал книгу, а кто нет? И как узнать, кто сколько раз проголосовал? — с озабоченным видом возразил приказчик Цзи. — В эти дни покупателей было так много, что я всех и не помню. А если кто-то еще и слуг отправит с книгой голосовать...

Разве накрутка голосов фанатами — не самое обычное дело? Главное — не дать читателям поднимать шум. Цуй Се слегка улыбнулся:

— Разве ты не помнишь тот цветок, напечатанный в углу на обратной стороне титульного листа

каждой главы? Пусть вырезают этот цветок и опускают в ящик. Даже если никто не станет голосовать — не беда. Главное — занять людей делом и выиграть время, чтобы они не возмущались из-за снятых картин. Боюсь, нарисовать новые я смогу только после Нового года.

Приказчик Цзи со всем почтением отправился исполнять поручение. Он-то думал, что затея вызовет массу недовольства, однако, когда вместо висящих картин организовали голосование, хоть возмущения и были, многие покупатели стали возвращаться и снова покупать книги — лишь бы отдать лишний голос за любимую героиню, чтобы именно она стала первой красавицей, а ее новый портрет навсегда остался висеть в книжной лавке.

Эта внезапная волна продаж заставила управляющего Цзи еще сильнее выпрямить спину. Он то и дело поглаживал бороду, хлопоча по хозяйству, и пусть его старые руки и ноги затекали от усталости, по вечерам, пересчитывая серебро, он чувствовал полное удовлетворение.

Вслед за праздником Лаба настала пора готовиться к Новому году. В эти дни, когда все домохозяйства начали собирать новогодние подарки, Цуй Се как раз закончил составление «Парных изречений из Четверокнижия».

Он взял высококачественную розоватую вощеную бумагу из своей лавки, аккуратно переписал весь текст строгим стилем тайгэ, велел ремесленникам переплести его в книгу и подписал своим именем. В сборник вошли парные строки от двухсловных до восьмисловных — всего более четырехсот изречений мудрецов, исполненных высокой и безупречной строгости. Вместе с книгой отправлялся и свиток с картиной. Это были не комиксы, а настоящая тонкая живопись гунби в насыщенных тонах: слой за слоем наложенные краски передавали свет и тень, создавая невероятно объёмный и реалистичный портрет цянху Се на коне. На свитке Цуй Се поставил собственную подпись и оттиск нововырезанной личной печати.

Он и сам не знал почему, но в его памяти сильнее всего запечатлелся образ цянху на коне. Из-за этого позже он и сам проявил немалый интерес к верховой езде — будто, сев в седло, мог стать таким же статным и лихим, как Цзиньивэй.

Перед тем как взяться за картину, он опасался, что уже забыл черты лица цянху Се, и даже думал при затруднениях расспросить Цуй Юаня с сыном или разыскать в уездном ямене тех, кто принимал циньча. Однако, едва взявшись за кисть, он отчетливо вспомнил и припухлости под его глазами, и с рождения будто улыбающиеся губы, и ту неспешную, почти мягкую манеру говорить.

Цуй Се вдруг осознал: оказывается, тот был хорош собой вовсе не потому, что сидел на коне, а просто сам по себе был красив. А уж верховая езда самого Цуй Се на маленькой лошадке в сравнении с той величественной статкой... уступала, пожалуй, на добрых полметра.

Он никогда не умел толком рисовать лошадей, поэтому ради этой картины несколько дней провел на конном дворе семьи Ван, делая наброски всадников и даже сидя на корточках возле лошадей, изучая строение их мышц и костей. Из-за этого пришлось урезать немало времени на тренировки. Но получив готовый рисунок, он понял, что все приложенные усилия стоили того: вот вещь, которую действительно не стыдно преподнести в подарок!

Цуй Юань помог ему найти мастера, чтобы оправить картину в свиток, а затем, взглянув на тонкую книжицу «Парных изречений из Четверокнижия», не удержался от совета:

— Эти два подарка все же слишком скромные. Не желает ли молодой хозяин добавить еще десятка два комплектов книг и бумагу с красавицами?

Цуй Се вспомнил их общение и улыбнулся:

— Цяньху Се — человек честный и благородный. Не стоит дарить ему романы о встречах с бессмертными, которые так любит простолюдин. А вот пару коробок бумаги прихватить можно, только не с красавицами, а из той новой серии с цветами, фруктами и изысканными убранствами. Такой подарок вручить не стыдно.

«Так я покажу себя настоящим человеком культуры, а не каким-то там рисовальщиком сомнительных картинок».

Он уложил книгу, свиток и бумагу в небольшой сундучок и отправил в дом командира Вана, попросив передать адресату. Ван Сянчжэнь взвесил сундучок на руке и усмехнулся:

— Вы, ученые люди, делаете совсем непрактичные подарки. Ладно уж, брат потом добавит от себя немного золота, серебра да драгоценных камней, чтобы твой подарок не выглядел беднее, чем у других.

Цуй Се с горькой ухмылкой ответил:

— Цяньху Се прекрасно знает, что я беден, и не станет придавать этому значения. Брат Ван, отправляй именно так. Мне, как книжнику, и полагается дарить подобное. Если добавить лишнего — будет только хуже.

Молодой господин Ван прищурился, посмотрел на него и ухмыльнулся:

— И то верно. Он тогда согласился помочь тебе, так с чего бы ему теперь смотреть, богат ли подарок? Главное ведь — искреннее внимание.

От автора: парные надписи выбраны из «Записок об искусных двустипициях» Лян Чжанзюя (династия Цин).

Подарки командира Вана предназначались высшим чинам из Главнокомандования пяти армий и Министерства обороны, так что просто отправить их в столицу со слугами было нельзя. Старший молодой господин Ван, будучи старшим сыном, обладал достаточным статусом, чтобы представлять отца, поэтому ему надлежало лично объехать все дома и вручить приношения.

Когда процессия въехала в столицу, стояли уже последние дни двенадцатого месяца. В столице и окрестных уездах прошёл обильный снегопад, каналы сковало льдом, и по ним можно было скакать верхом. Именно сквозь эту снежную бурю он на экипаже въехал в столицу через ворота Дунчжимэнь.

Падающий снег тонкой завесой застилал глаза. На казенном тракте почти не встречалось прохожих: торговцы и горожане закрыли двери и не выходили наружу, а нищие сжимались от холода под арками и в прочих укрытиях от ветра, мечтая, чтобы этот глубокий снег по лодыжку скорее прекратился. Но посреди этого тихого снежного марева со ржанием лошадей на полной скорости промчался отряд всадников, который в мгновение ока обогнал их экипажи.

Ван Сянчжэнь отодвинул занавеску и выглянул наружу, но хлопья снега застилали обзор, и разглядеть мчавшихся всадников не удалось. Тогда он постучал по стенке кареты и позвал сопровождавшего их личного воина:

— Кто это скачет во весь опор в такой снегопад?

Воин прижался к ледяной раме окна и тихо ответил:

— В красных халатах еса и белых доспехах... похоже, Цзиньивэй.

Цзиньивэй? На этом тракте, ведущем в столицу, да в такую погоду действительно лишь Цзиньивэй могли мчаться на конях. Интересно, из какого они гарнизона? Жаль, что погода не располагает, а не то можно было бы, прикрывшись именем цяньху Се, сойти и завязать знакомство.

Он вздохнул, задернул занавеску и поехал дальше, даже не подозревая, что в отряде Цзиньивэй, только что промчавшемся мимо, кто-то тоже спросил:

— Чей это обоз проехал? Зачем они въезжают в столицу в такую метель?

Офицер позади него ответил:

— Возят новогодние подарки в столицу. На ящиках задних повозок написано: «Командир Правого караула Синтунь Ван».

Спрашивавший кивнул и со смешком вздохнул:

— Отправить обоз в такой снегопад... усердие командира Вана действительно горячее. Интересно, кому посчастливится принять его домочадцев с визитными карточками?

Всадник в красном одеянии рядом с ним подхватил:

— А я бы надеялся, что он отправит подарок в усадьбу Сунь Тая. Жаль только, что мой отец возглавляет Цзиньивэй, а не Канцелярию главнокомандующего армией тыла. Подарки этого командира Вана до моего дома вряд ли дойдут.

<http://bllate.org/book/18372/1761283>